

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

КАК УХОДИЛИ
ЦАРИ

Альберт Лашёв

Как Уходили Цари

«Автор»

2026

Лашёв А.

Как Уходили Цари / А. Лашёв — «Автор», 2026

1862 год. Новгород. Памятник «Тысячелетие России» — сто двадцать восемь фигур. Есть Пётр. Есть литовские князья, воевавшие с Москвой. Нет одного — царя, при котором страна удвоилась. Взял Казань, Астрахань, дошёл до Сибири, создал Земский собор. Иван IV. Список утверждал лично император — вычёркивал имена собственной рукой. Это не забывчивость художника. Это решение. В 1963 году комиссия вскрыла гробницы в Архангельском соборе. Ртуть у Ивана IV и царевича Ивана — до 1333 микрограммов на навеску. У Фёдора — 3. Одна эпоха, одна усыпальница, одни лекари — яд выборочен строго по линии престолонаследия. В 2000-м исследовали косу Анастасии: ртуть в четыре тысячи восемьсот раз выше фона. Шёпот 1560 года был прав. Легенду об отце, убившем сына посохом, записал первым Поссевино — иезуитский легат, которому Иван только что отказал в унии с Римом. Черепа царевича нет. На волосах — ни следа крови. Русские летописи пишут одно слово: «преставися». Легату верим. Летописям — нет.

© Лашёв А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Альберт Лашёв

Как Уходили Цари

АЛЬБЕРТ ЛАШЕВ

КАК УХОДИЛИ ЦАРИ

От Ивана Рюриковича до Романовых

ВВЕДЕНИЕ. ИМЯ КАК ДОЛЖНОСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ

Начнём с загадки, мимо которой человечество проходит пятнадцать веков.

Ни один папа римский не правит под собственным именем. Кардинал, избранный конклавом, в первую же минуту отвечает на вопрос: каким именем желаешь называться? И человек исчезает. Появляется Лев. Или Григорий. Или Пий.

Зачем? Государи всходят на трон под именами, данными при крещении. Президенты правят под именами из паспорта. И только одна организация — старейшая непрерывно действующая структура на планете — при вступлении человека в должность стирает его имя и выдаёт новое. Из короткого, веками не пополняемого списка.

Откройте этот список и посчитайте: семь имён покрывают больше сотни понтификатов. Так не выглядит поэзия. Так выглядит номенклатура.

В книге «Инструкция для папы римского» мы разобрали эту номенклатуру целиком — по всем носителям каждого имени, за полторы тысячи лет, с проверочными таблицами. Здесь дадим рабочий минимум, ключ, который понадобится читателю на каждой странице этой книги.

Имя папы — не украшение. Имя — функционал. Должностная инструкция, объявленная городу и миру в первый день понтификата, — для тех, кто умеет читать.

Лев — имя вылазки: берётся, когда внешняя сила ломится в ворота, и нужно выйти ей навстречу. Григорий — имя архитектора: берётся, когда порядок исчез и нужно строить новый из хаоса; носитель готов к личному поражению ради структурной победы. Бенедикт — внутренняя оборона: трещит сам фундамент. Климент — «милостивый», имя мягкой сделки с внешней силой. Иннокентий — «невинный», имя чистки. Пий — имя гарнизона: берётся, когда враг уже внутри стен. Урбан — имя мобилизации толпы. Сикст — имя строителя. Павел — имя разрыва: носитель приходит не продолжать, а менять инструмент.

Проверить это читатель может сам, не веря нам на слово: возьмите любого папу, посмотрите имя — и посмотрите, что он делал. Календарь перестроил Григорий. Крестовый поход с поля под Клермоном поднял Урбан. Орден иезуитов под давлением монархов распустил — Климент. Наполеоновскую осаду в плену пересидел — Пий. Совпадение? На семи именах и полутора тысячах лет совпадений не бывает — бывает система.

А теперь главная мысль этой книги.

Если имя — должностная инструкция, то по смене имён на римском престоле можно читать смену инструкций. И тогда история любой страны, с которой Рим имел дело, должна раскладываться по этим инструкциям, как переписка — по датам на штемпелях.

Мы проверим это на России. Не потому, что Россия — исключение: те же тенденции внимательный читатель найдёт в любой стране Европы того времени, и мы уверены, что найдёт. Россия — потому что она самый чистый полигон: единственная крупная держава, которая не подчинилась ни разу — ни невесте, ни короне, ни легату, ни унии. А то, что не удалось купить,

пришлось ломать. Долго. Ломали — при Сиксте-строителе одним способом, при Павле-разрыве другим, при Григории-архитекторе третьим, при Клименте-«милостивом» четвёртым. И каждый раз, как мы покажем, способ совпадал с именем.

Правила игры объявляем сразу, они те же, что во всех наших книгах. Каждое утверждение несёт метку:

[Д] — документ, физический объект, экспертиза, то, что можно предъявить;

[Р] — реконструкция, честно опирающаяся на документы;

[ПК] — предание и косвенное, на чём мы ничего не строим.

Мы предпочитаем враждебных свидетелей дружественным: признание системы против себя весит больше любой похвалы. Мы работаем по первоисточникам и не пользуемся Википедией. И мы называем слабые места сами — раньше критиков.

О чём эта книга. О том, как за четыре века была стёрта настоящая Русь: отравлена династия Рюриковичей, пересобрана вера, подменён царь, стёрта с карт восточная держава, сожжена Москва вместе с архивами — и как на каждом из этих узлов, если поднять глаза от Кремля к Риму, обнаруживается папа, чьё имя-инструкция в точности совпадает с происходящим.

И о том, что операция не закончена. В 1862 году из ста двадцати восьми фигур памятника «Тысячелетие России» вычеркнули одного государя. Первый памятник ему в стране появился только в 2016-м — через суд. Второй простоял один час. Почему у последнего настоящего царя России до сих пор не должно быть лица — читатель поймёт уже в первой главе.

Открываем дело.

Постскриптум, написанный Наполеоном

У тезиса «Пугачёв — государь» есть свидетель, которого не заподозрить в любви к русским легендам, и показание он дал через тридцать семь лет после Болотной площади.

1812 год, Москва, Кремль. Наполеон — по свидетельству, закреплённому историографией (его передаёт Тарле), — велит навести справки о пугачёвском восстании. Официальное прочтение: «изучал опыт бунта, готовя декрет о вольности». Не выдерживает первого вопроса: зачем лучшему полководцу эпохи опыт подавленного мятежа сорокалетней давности? Военного в том деле — ничего; в том деле есть единственное, что могло понадобиться императору, — линия. Наполеон наводил справки о доме Петра III.

И справляться было о ком: дети «казака Емельки» в 1812 году живы. Трофим и его сёстры сидят в Кексгольмской крепости — тридцать восьмой год, пожизненно, без приговора. Империя полвека держала под замком то, что сама называла «ничем», — и в год нашествия за этим «ничем» пришёл справляться император Франции. [Р] по мотиву запроса — приказа с подписью нет; [Д] по запросу, по живым узникам и по тому, что предъявим сейчас: по трём сейфам.

Смотри, как Петербург готовился к этому запросу — заранее, будто знал. Дело Пугачёва запечатано «вечным забвением» — Наполеон не нашёл бы в архивах ничего, и не нашёл. Коронационные регалии Оружейной палаты — шапки, венцы, бармы — вывезены из Москвы в Нижний до сдачи города, отдельной операцией. Носители линии — в ладожской крепости, за девятьсот вёрст от любой французской колонны. Предмет коронации, документ о династии, персона претендента — три составляющие хода «свой царь на Руси», и все три убраны в сейфы до первого хода гостя. А единственный сакральный предмет, который гость взял из Москвы личным приказом, — крест Ивана Великого: ось, под которой венчались на царство государи от Ивана IV. [Д] по каждому сейфу и по кресту.¹

¹ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год (о справках Наполеона касательно пугачёвского дела); об эвакуации ценностей Оружейной палаты в Нижний Новгород (авг. 1812, П. С. Валуев); о снятии креста Ивана Великого — мемуары сержанта Бургоня и офицера Маренгоне, переписка М. И. Кутузова с Александром I о судьбе креста.

Вот и постскрипtum к нашей главе, написанный чужой рукой: если «Емелька» был ничем — почему его дело заперто от императора Франции, его дети от него спрятаны, а регалии от него увезены? С «ничем» так не работают. Так работают с линией, которую и через сорок лет считали заряженной.

МАТРИЦА. Имя × Перелом

Прежде чем открыть первую главу, читатель должен получить в руки ключ, которым мы будем пользоваться на каждой странице. Перед тобой — авторская таблица из нашей книги «Инструкция для римского папы»: сводная матрица семи великих папских имён, выведенная из четырёхсот лет конклавов. Каждое имя в ней — не украшение, а должностная инструкция: Лев — вылазка, Григорий — архитектор, Бенедикт — внутренняя оборона, Климент — сделка с внешней силой, Иннокентий — чистка, Пий — гарнизон в осаде, Иоанн — сброс. В той книге мы доказывали код на истории самого Рима; в этой — прикладываем его к истории России. На данных этой таблицы и на русских документах мы покажем, как страну год за годом, имя за именем, вели за руку к её сегодняшнему дню — и чья это была рука.

Обозначения в ячейках:

Н — носитель кода;

У — угон (клан или корона поставили своего);

С — сопротивление (получил имя, отверг программу);

СБОЙ — носитель действовал против кода имени. В скобках при имени — счёт носителей за историю.

ИМЯ / ПЕРЕЛОМ

A.

Нашествие

B.

Конфигурация власти

C.

Раскол тела Церкви

D.

Технологич. сдвиг

E.

Угроза релевантности

F.

Внутр. легитимность

ИОАНН (21)

— имя сброса

Иоанн VIII — арабы

(Н)

Иоанн XII — коронация Оттона

(У: Тускуланы)

Иоанн VIII — Фотианская схизма

(Н)

—

Иоанн XXIII — секуляризация, Собор

(Н)

Иоанн Павел I — демонтаж вертикали

(Н, 33 дня)

ГРИГОРИЙ (16)

— архитектор

Григорий I — чума, лангобарды

(Н)

Григорий VII — инвеститура, машина 1059

(Н)

Григорий XII — сложил сан, закрыл Раскол

(Н)

Григорий XIII — календарь

(Н)

Григорий XVI — модерн

(СБОЙ: баррикада вместо стройки)

—

БЕНЕДИКТ (15)

— хранитель механики

—

Бенедикт XV — мировая война, план 1917

(Н)

Педро де Луна — канонист Раскола

(антипапа-Н)

—

Бенедикт XIV — Просвещение, инвентаризация

(Н)

Бенедикт XI — после Ананьи

(Н);

Бенедикт XVI — отречение

(Н)

КЛИМЕНТ (14)

— интерфейс (вектор СНАРУЖИ ВНУТРЬ)

—

II — Сутри;

IV — Анжу;

V — Филипп, тамплиеры;

VI — покупка Авиньона;

VIII — легитимация Бурбонов;

XIV — ликвидация иезуитов

(все Н-интерфейс)

антипапы Климент III, VII, VIII — креатуры корон

(У×3)

—

—

Климент XI, XIII — сопротивленцы

(С, оба сломаны)

ЛЕВ (14)

— переговорщик с эпохой

Лев I — Атилла

(Н)

Лев III — коронация Карла

(Н)

Лев X — Реформация прозевана

(У: Медичи)

Лев XIII — пром. революция; Лев XIV — ИИ

(Н)

—

—

ИННОКЕНТИЙ (13) — чистка

Иннокентий I — Аларих, 410

(Н)

Иннокентий III — вершина;

IV — низложение Фридриха II

(Н)

Иннокентий II — победа через сеть Бернарда

(Н)

—

Иннокентий X — Вестфаль, мир игнорирует (Н)

Иннокентий XII — чистка курии, запрет nepотизма

(Н)

ПИЙ (12)

— **осада**

Пий II, V — османы, Лепанто

(Н)

Пий VI — Революция (плен); VII — Наполеон (плен);

IX — потеря государства

(Н)

—

—

Пий X — модернизм; XI — тоталитаризмы; XII — война (Н)

—

Таблица дана здесь без сокращений, в точности по «Инструкции для римского папы», — чтобы читатель в любой главе мог вернуться к ней и сверить наш ход с кодом. Мы будем ссылаться на неё постоянно; теперь она перед глазами.

ГЛАВА I. ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСАДА РЮРИКОВИЧЕЙ.

Новгород, 1862 год. Империя празднует тысячелетие Руси. На гигантском бронзовом колоколе памятника «Тысячелетие России» — сто двадцать восемь фигур: князья, цари, святые, полководцы, поэты. Есть Пётр. Есть даже литовские князья, воевавшие с Москвой. Есть Рюриковичи, но ... не все. Нет одного из них.

Нет только одного человека - Царя, при котором страна удвоилась. Который взял Казань и Астрахань, дошёл до Сибири, создал первые государевы родословные книги и первый Земский собор. Из тысячи лет истории вычеркнут один государь — Иван IV.

Официальное объяснение готово заранее: памятник стоит в Новгороде, а Новгород помнит опричный погром. Удобно. Только место для памятника выбирали те же, кто утверждал список фигур. Сначала выбрали город, где пропуск можно объяснить, — потом пропустили. И заметь: список фигур утверждал лично император, вычёркивая имена собственной рукой. Пропуск — не забывчивость художника. Пропуск — решение.

Так не поступают со «своим» царём, даже жестоким: Пётр, положивший четверть населения, стоит в полный рост. Так поступают с чужим. С тем, чьё живое лицо на памятнике задаёт вопрос, на который у заказчиков нет ответа: а куда, собственно, делись Рюриковичи?

Вот на этот вопрос мы и ответим — шаг за шагом. Иван IV был последним истинным царём из дома, правившего семь веков. Не последним по счёту — после него сидел сын Фёдор, тихое угасание. Последним по сути: последним, кто держал. Мы покажем, как его стирали — сначала семью, потом наследника, потом имя. Покажем, чьими пальцами это делали. И покажем руку над пальцами.

Жених у ворот.

Рука эта стучалась в Кремль задолго до 1547 года — и всегда с одним и тем же предложением.

1472 год: брак Ивана III с Софьей Палеолог — проект самого Рима. Переговоры идут через папскую курию, невеста — воспитанница кардинала Виссариона, расчёт — уния и антиосманский союз. Расчёт не сработал: Софья стала русской государыней, а не римским агентом. Заметь имена на престоле Петра: проект начинал Павел II, довёл до венца Сикст IV — строитель. Мост в Москву он возводил тем же жестом, каким возводил свою капеллу.

Дальше — посольства Льва X и Климента VII к Василию III с короной в обмен на подчинение папе. Лев — имя вылазки навстречу внешней силе: в ворота Рима как раз ломится Лютер, и Льву срочно нужен восточный союзник. Климент — имя мягкой сделки: его посольства вкрадчивы и пусты. Отказ. Отказ. Юлий III и Пий IV зовут Москву на Тридентский собор. Отказ. Пий V зовёт в крестовый поход. Отказ. [Д] по каждому эпизоду — это не наша реконструкция, это дипломатическая переписка самой курии, вековая линия давления.

Полвека сваты уходят ни с чем. Невеста не сработала, корона не сработала, соборы не сработали. У любой канцелярии после такого ряда отказов появляется третий вариант. Мы его увидим. Но сначала — свадьба.

Свадьба и аптека.

Москва, 1547 год. Семнадцатилетний Иван венчается с Анастасией Захарьиной-Юрьевой. Учебники пишут: союз по любви. Возможно, и по любви — жертву не обязательно посвящать в план. Важно другое: с этого дня род Захарьиных-Кошкиных получает то, что не купишь ни за какое серебро, — доступ. К столу. К аптеке. К детской.

Тринадцать лет всё идёт своим чередом. Анастасия рождает шестерых. Царь правит, берёт Казань, страна растёт.

В 1560 году Анастасия умирает — молодой, после затяжного непонятного угасания. Современники шепчутся об отраве; царь верит шёпоту и ломается — с этого года начинается тот «Грозный», которого рисуют учебники. Совпадение? Запомним и пойдём дальше.

1569 год: вторая жена, Мария Темрюковна, умирает скоропостижно, вернувшись из поездки. 1571 год: третья, Марфа Собакина, угасает через пятнадцать дней после венчания — не успев стать женой фактически. Пятнадцать дней. Дальше конвейер даже не прячется: Анна Колтовская — в монастырь, Анна Васильчикова — внезапная смерть, Василиса Мелентьева

— фигура настолько зачищенная, что источниковеды спорят, существовала ли она вообще (честно помечаем [Р]). Официальный счёт — шесть браков; церковные и частные хроники говорят о семи и восьми.

Официальные диагнозы эпохи звучат так: Анастасия — «длительная изнурительная болезнь»; Мария — «разболелась» после поездки; Марфа — «испорчена ещё в невестах». Последняя формула — не наша: это слова самого царя, занесённые в определение церковного собора 1572 года, который разрешал ему четвёртый брак именно на том основании, что третья жена была отравлена до венчания и умерла девицей. Вдумайся: отравление царицы признано официальным церковным документом XVI века — собору пришлось признать яд, чтобы обойти канон о трёх браках. [Д]²

А теперь спросим, как спрашиваетследователь: у кого был доступ к яду? Ртуть — сулема — не лежала в амбаре. Она жила в аптеке, а придворная аптека все эти десятилетия — в руках иноземцев. При Василии III и Елене Глинской придворный врач — Николай Булев, немец. И вот совпадение, которого мы не заказывали: Булев — открытый пропагандист унии с Римом, тот самый, против чьих латинских посланий писал Максим Грек. Человек римской идеи — у постели государя и у аптечного шкафа. При Иване — Елисей Бомелий, вестфалец, врач-астролог, о котором англичанин Горсей пишет прямо: готовил яды. В 1579-м Бомелия запытают до смерти — но заметь, кого двор держал у склянок сорок лет. [Д] по лицам и их взглядам, [Р] по исполнению.

Заметим и то, чего добивается конвейер. Не смерти царя — царя берегут. Каждый удар приходится по двум точкам: по тылу (царь остаётся один, подозрителен, окружён «утешителями») и по колыбели (законное наследование превращается в лотерею). Это не почерк ревности. Это почерк селекции.

Современники могли только шептаться. У нас есть то, чего не было у них, — лаборатория.

Четыре тела.

1963 год. Комиссия под руководством Михаила Герасимова поднимает плиты в Архангельском соборе Кремля: Иван IV, царевич Иван, царь Фёдор, полководец Скопин-Шуйский. Задача — реставрация, но учёные берут пробы.

Ртуть, в пересчёте на стограммовую навеску: у Ивана IV — от 20 до 1333 микрограммов. У царевича Ивана — от 12 до 1333.

Что такое норма? Её показывает сама усыпальница: нижняя граница у Фёдора — 3 микрограмма. Это и есть естественный фон человека той эпохи, тех аптек, той пищи. У отца и наследника пики — 1333: превышение фона в сотни раз. Одни гробницы, одна эпоха, одни лекари — а ртуть выборочна, и выборочна ровно по линии престолонаследия: отец и наследник. Аргумент «лечили ртутными мазями, время такое» умирает на этой таблице: время было одно на всех, у Скопина-Шуйского — до 266, у Фёдора — до 333, и оба на порядок ниже.

Теперь о знаменитом посохе — и здесь протокол 1963 года беспощаден. Череп царевича оказался почти полностью разрушен посмертным распадом костной ткани: от головы сохранились часть нижней челюсти, порошкообразная масса и волосы. Герасимов, слепивший документальные портреты отца и Фёдора, портрет царевича сделать не смог — не по чему. Главной улики «удара посохом» физически не существует. И жирная точка: на сохранившихся волосах царевича комиссия не обнаружила следов крови. А рана головы, от которой умирают десять дней, кровит обильно. [Д]³

² Соборное определение о четвёртом браке царя Ивана Васильевича, 29 апреля 1572 г.

³ Материалы вскрытия захоронений Архангельского собора Московского Кремля (комиссия под рук. М. М. Герасимова, 1963): данные спектрального анализа и описание состояния останков; Герасимов М. М. Документальный портрет Ивана Грозного // Краткие сообщения Института археологии. 1965. Вып. 100.

Скажем и то, что критик скажет за нас: сама комиссия сформулировала осторожно — химическое исследование «не даёт права пока говорить» об отравлении. Слово «пока» продержалось тридцать семь лет.

2000 год. Тот же некрополь, теперь женский. По инициативе Татьяны Пановой из музеев Кремля судебные медики и геохимики исследуют сохранившуюся косу Анастасии: ртуть — 4,8 миллиграмма на стограммовую навеску. Четыре тысячи восемьсот микрограммов — в полторы тысячи раз выше фона её собственного пасынка Фёдора. В обрывках погребальной одежды — 0,5 миллиграмма, в тлене — 0,3; рядом мышьяк и свинец. Вывод самих экспертов: столько не накопить даже ежедневной ртутной косметикой эпохи. Шёпот 1560 года был прав. [Д]⁴

И третье тело — оно раздвигает раму. Елена Глинская, мать Ивана, умершая в 1538 году, за девять лет до свадьбы с Анастасией: эксперт-криминалист Тамара Макаренко находит соли ртути в концентрациях, в тысячу раз превышающих норму. Доза острая, разовая — не лечение, а исполнение.⁵

И поднимем глаза от гробницы к Риму: 1538 год — на престоле Павел III. Павел — имя разрыва: носитель приходит не продолжать, а менять инструмент. Чем занят этот Павел? Через два года он утвердит орден иезуитов — новое оружие Рима, созданное взамен провалившихся сватовств, — и начнёт готовить Тридентский собор. Первое тело с ртутью появляется в Кремле в тот самый понтификат, когда Рим официально меняет тактику с покупки на внедрение. [Д] по датам, [Р] по связи — и дальше эта связь будет сжиматься с каждой главой.

Сложим. Мать — 1538. Жена — 1560. Наследник — 1581. Сам царь — 1584. Четыре тела, один яд, два независимых исследования с разрывом в тридцать семь лет. [Д]

Отдельно — о мышьяке, и под тем же углом. Комиссия 1963 года превышения мышьяка не выявила; Панова позднее оспорила саму методику тех измерений. По ртути — [Д], по мышьяку — открытый спор экспертов [Р]. Мы оставляем его открытым и потому непроигранным, но заметим: от исхода зависит, была ли отравка комбинированной — ртуть с мышьяком, классическая пара медленного устранения.

И главный поворот. Захарьины получили доступ к столу и аптеке в 1547-м. Глинская умерла в 1538-м. Яд в Кремле старше их доступа. Значит, Захарьины — рука на своём отрезке [Р], но не константа. Константа — заказчик, которому мешал не Иван, не Анастасия, не царевич. Мешала сама династия.

Почему пощадили Фёдора.

Здесь внимательный читатель задаст вопрос, и мы обязаны на него ответить: если травили династию — почему уцелел Фёдор?

Посмотри на него глазами заказчика. Фёдор — сын Анастасии, родная кровь Захарьиных: его дядя Никита Романович возглавит при нём регентский совет. Фёдор бездетен — единственная дочь умрёт во младенчестве: он не продолжение династии, а её тихое закрытие. И Фёдор не правит — молится и звонит в колокола; отец, по свидетельствам современников, говорил о нём как о рождённом для кельи, не для царства [Р].

Такого не травят. Такого берегут: он сам — идеальный яд для династии, медленный и законный. Ртуть у него фоновая. Убийцы точно знали, кто им мешает, а кто работает на них.

Кто именно заказчик — сейчас назовётся сам. Голосом своего легата.

Легат.

1581 год. Худший год царствования. Баторий жмёт с запада, шведы с севера, казна пуста, армия измотана. И царь делает вынужденный ход — сам просит посредничества у папы Григория XIII. [Д]

⁴ Панова Т. Д. Кремлёвские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003; заключение Бюро судебно-медицинской экспертизы Москвы (2000) по спектральному анализу косы царицы Анастасии Романовны.

⁵ Исследование останков вел. кн. Елены Глинской (женский некрополь Вознесенского монастыря, музеи Московского Кремля): заключение эксперта-криминалиста Т. Макаренко; публикации Т. Д. Пановой по некрополю.

Рим ждал этого письма сто лет. В Москву едет лучший: иезуит Антонио Поссевино, легат с явной миссией мира и тайной — унии. Кто его посылает? Григорий XIII — и вчитайся в имя: Григорий, архитектор порядка из хаоса, человек, который в эти самые годы перестраивает календарь всего мира и строит сеть коллегий, включая греческую коллегию святого Афанасия — фабрику кадров для окатоличивания Востока, открытую в 1577-м. Архитектор не шлёт армию. Архитектор шлёт конструкцию. 18 августа 1581 года его принимают в Старице с чрезвычайной пышностью. Предложение всё то же, третье поколение подряд: подчинение папе — в обмен на титул, союз, признание.

Иван предложение не отвергает — Иван его подвешивает. Пока легат нужен для мира с Баторием, царь щедр на туманные обещания.

19 ноября 1581 года, пока Поссевино ведёт Ям-Запольские переговоры и предложение Рима лежит на московском столе, в Александровской слободе умирает наследник — царевич Иван. Тот самый, у которого ртути до 1333 микрограммов, рассыпавшийся череп и волосы без следов крови. Смерть — точно в паузе между двумя визитами легата, точно в момент, когда царь колеблется. Если это давление, то рассчитанное ювелирно: у сломленного отца должны опуститься руки.

Не опустились. 14 февраля 1582 года Поссевино возвращается в Москву — мир с Баторием уже подписан, посредник своё отработал. Легат получает три публичных диспута о вере и на них — ответ похоронившего сына царя: папа — «волк в овечьей шкуре». 15 марта Поссевино покидает Москву с почестями и с пустыми руками. Иван переиграл Ватикан: взял мир, не отдал веру. [Д]

Последний сильный Рюрикович выдержал невесту, корону, собор, легата — и яд. Через два года он умрёт с той же ртутью в костях, и на троне останется тихий Фёдор, последний огарок династии, под регентством дяди-Захарьина. Осада взяла крепость.

Но у этой истории есть постскрипtum, и он ценнее многих улик. Проигравший легат уехал не просто так — он уехал с пером. В 1586 году в Вильно выходит его «Московия», и именно там впервые в развёрнутом виде записана сцена, которую знает каждый школьник: безумный отец убивает сына посохом. Поссевино не очевидец — в те дни он на переговорах за сотни вёрст. Он заинтересованная сторона с провалившейся миссией. Вторит ему англичанин Джером Горсей — второй иностранец. А русские летописи ближайшего времени пишут одно слово: «преставился». Скончался. [Д] по источникам версии.⁶

Вот теперь круг замкнут, и посмотри, как он замкнут: наследника травят — черепа нет, волосы без крови — а легенду об убийстве отцом пишет легат державы, чьё предложение отец отверг. Отравление списано. Династия ославлена безумной. Заказчик расписался на обложке. [Р] по атрибуции замысла — и мы предъявили каждое звено.

А код имени сработал буквально: Григорий — тот, кто готов к личному поражению ради структурной победы. Диспуты легат проиграл. Структура — легенда о безумном отце — стоит четыреста сорок лет.

Бронза и краска.

Осталось понять, почему эту легенду не забыли, а вложили в нас с детства — и почему её защищают до сих пор.

1885 год. Илья Репин выставляет «Ивана Грозного и сына его Ивана». Кровь на виске, безумные глаза — сцена Поссевино, триста лет спустя получившая краску и раму. Зритель запоминает картину вместо документа: полотно заменило учебник.

И здесь империя проговаривается. Обер-прокурор Синода Победоносцев — идеолог системы, враждебный нам свидетель высшей пробы — пишет Александру III: «Нельзя назвать

⁶ Possevino A. *Moscovia*. Вильно, 1586 (рус. пер.: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983); Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII в. М., 1990; летописные известия о «преставлении» царевича.

картину исторической, так как этот момент... чисто фантастический». И добавляет: «просто отвратительна». Император запрещает показ — первый случай цензуры живописи в истории империи. А через три месяца запрет тихо снимают по хлопотам придворного художника. Вдумаемся: система письменно признала сюжет фантастикой — и позволила фантастике висеть в главной галерее страны. [Д]⁷

Теперь вернёмся к бронзе. 1862 год, Новгород: из ста двадцати восьми фигур тысячелетия вычеркнут один царь. Но это не прошлый век и не частный случай — это действующий режим стирания, и вот его хроника до наших дней.

И проверим наш ключ на этой мелочи — мелочи ли? 1862 год: на римском престоле Пий IX, и Пий — имя гарнизона, война изнутри осаждённых стен. Его Рим только что потерял Папскую область; через два года он издаст «Syllabus» — объявление войны самому сознанию современного человека, а через восемь — догмат о собственной безошибочности.

Гарнизон, у которого отняли землю, воюет за память. И в разгар этого понтификата — с которым у Петербурга, заметь, действующий конкордат 1847 года, живая дипломатическая линия, — в России правят именно память: из тысячелетия вычёркивают лицо. Совпадение кода фиксируем как [Р] — но читатель уже видел, сколько таких «совпадений» легло в одну линию, и увидит ещё.

До 2016 года в России не существовало ни одного памятника Ивану IV. Четыреста тридцать два года — ни одного памятника государю, при котором страна стала державой. Первый поставили в Орле 14 октября 2016-го — через общественную бурю и судебный процесс. Второй отлили для Александрова — его собственной опричной столицы: памятник простоял один час и был демонтирован. Бронзового царя в итоге приютила Москва, но вчитайся в статус: не памятник — «музейный предмет, выставленный для всеобщего обозрения», переданный «на ответственное хранение». Первому царю России в двадцать первом веке нельзя стоять — можно только храниться. [Д]⁸

Пётр стоит. Екатерина стоит. Стоят даже те, кто открывал ворота интервентам. Не стоит один — тот, на чьей семье лаборатория нашла ртуть, а на легенде — подпись римского легата. Рука, начавшая работу при Посевино, дотягивается до наших дней: ей всё ещё важно, чтобы у последнего настоящего царя не было лица.

Куда делась его держава — расскажет следующая глава. Она называется Смутой. Пятнадцать лет, за которые вычищенный трон аккуратно передали нужному роду.

ГЛАВА II. ПОДМЕНА. КАК ТРОН ПЕРЕДАЛИ БЕЗ КРОВИ

Начнём с теории — и назовём её теорией честно.

Историк Александр Пыжиков в «Славянском разломе» сформулировал то, что мы возьмём рамой этой главы: Смута — не стихийный хаос, а вторжение чужой модели власти, после которого Россией стала править чужая по духу элита. Пыжиков дал направление взгляда. Мы дадим то, чего раме не хватает, — документы. И пройдем по Смуте, как проходят по месту преступления: от мотива к исполнителям, от исполнителей к бенефициару. А в конце, в зале Земского собора 1613 года, защёлкнем замки, каждый из которых по отдельности исключает случайность — а вместе исключают её с гарантией.

⁷ Письмо К. П. Победоносцева Александру III, февраль 1885 г. // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. М.—Пг., 1923.

⁸ Открытие памятника Ивану IV в Орле 14 октября 2016 г.; установка и демонтаж памятника в Александрове (2017); статус московской скульптуры как «музейного предмета на ответственном хранении» — по официальным сообщениям 2016–2017 гг.

Помни, на чём кончилась первая глава: династию семи веков вытравили ртутью, последний огарок — бездетный Фёдор — угас в 1598-м под присмотром родни Захарьиных. Трон впервые за семьсот лет остался без крови. Поэтому вопрос Смуты — не «почему началась смута». Вопрос — кто оказался готов к ней заранее.

Человек из людской.

1604 год. Из Речи Посполитой на Москву идёт «царевич Дмитрий». Официальная история зовёт его Григорием Отрепьевым и делает вид, что он взялся ниоткуда.

Откроем документы. Правительство Годунова в 1604–1605 годах рассылает по стране и иностранным дворам грамоты с установочными данными самозванца: беглый монах Гришка Отрепьев, а до пострига — слуга на дворе бояр Романовых-Никитичей. Это пишет не сочувствующий — это пишет смертельный враг Романовых, официально, для всей земли. Враждебный свидетель, наш любимый жанр. [Д]⁹

Замок первый: проект «Дмитрий» стартует не из Кракова. Он стартует из романовской людской. Краков его только оформит.

И как оформит! Апрель 1604 года: самозванец в Кракове тайно принимает католичество и пишет собственноручное письмо папе Клименту VIII — письмо сохранилось в архивах курии, его можно предъявить. [Д] Посредник — нунций Клаудио Рангони, чьи донесения в Рим о «московском царевиче» лежат там же. [Д] Обещания: уния для Руси, костёлы, смоленские и северские земли — Сигизмунду. Запомни этот вексель — мы увидим, как по нему заплатят. Рим не завоёвывает Россию. Рим принимает её в дар от предъявителя.¹⁰

Подними глаза к престолу Петра: там Климент VIII — «милостивый», имя мягкой сделки. Тот самый, что восемью годами раньше провёл Брестскую унию: поглощение без войны, подпись вместо меча. Самозванец с письмом — ровно его инструмент. Код работает.

Смена такта.

А теперь смотри, как Рим и Москва меняют передачу синхронно, — подгонкой этого не объяснить.

Март 1605-го: умирает Климент VIII, человек сделки. Первого апреля конклав избирает Льва XI — Лев, имя вылазки. Понтификат длится двадцать семь дней. И внутри этих двадцати семи дней в Москве внезапно умирает Борис Годунов — здоровый утром, мёртвый к вечеру, единственная фигура, способная остановить самозванца. Вылазка.

В мае на престол садится Павел V. Павел — имя разрыва: носитель приходит не продолжать, а менять инструмент. И инструмент меняется на глазах: кончаются письма — начинаются войска. Павел V шлёт благословения самозванцу и Марине Мнишек — переписка сохранилась [Д], — дальше второй самозванец, дальше открытая интервенция Сигизмунда и польский гарнизон в Кремле. Мягкой сделке конец; ломают об колено. Три папских имени за три месяца — и три такта московской катастрофы, попадающие в имена нота в ноту. [Д] по датам, [Р] по прочтению — но прочти иначе, если сможешь.

Отец и сын.

Пока страна горит, не отрывай глаз от одной семьи — той, из чьей людской вышел «Дмитрий».

Фёдор Никитич Романов, в постриге Филарет, сосланный Годуновым в монастырь, при самозванце взлетает: Лжедмитрий I делает его митрополитом Ростовским. [Д] Самозванца убивают — Филарет не тонет: второй самозванец, тушинский вор, нарекает его патриархом. [Д] Вдумайся в это досье: отец будущего царя получает оба своих сана из рук людей, которых официальная история называет врагами престола и веры. Дважды. Подряд. А когда тушин-

⁹ Окружные грамоты правительства Бориса Годунова 1604–1605 гг. о «расстриге Гришке Отрепьеве» // Акты, собранные Археологической экспедицией. Т. II; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2.

¹⁰ Собственноручное письмо Лжедмитрия I папе Клименту VIII, Краков, 24 апреля 1604 г. (архив курии); публ.: *Historica Russiae Monumenta*. Т. II. СПб., 1842; донесения нунция К. Рангони — там же.

ский лагерь рассыпается, Филарет уезжает к Сигизмунду — переговорщиком, которого назовут «пленником», — и в безопасности пересиживает развязку.

Замок второй: семья не пряталась от Смуты и не страдала от неё. Семья была её кадровым бенефициаром на каждом такте.

След денег.

Легенда рисует Кузьму Минина, собирающего последние копейки. Копейки были — «пятая деньга», пятая часть имущества, и собиралась она не с одного Нижнего, а со многих городов через ярославский «Совет всея земли». [Д] Но армия в двадцать тысяч профессионалов на копейках не живёт, и мы задаём вопрос следователя: кто дал крупно — и что получил после?

Ответ стоит в жалованных грамотах первых лет Михаила. Крупнейшие кредиторы ополчения и молодой власти — Строгановы, соляные короли, и монастырская казна. И едва Михаил садится на трон, строгановские привилегии подтверждаются и растут: расчёт по кредиту, оформленный государевой печатью. [Д] Мы не нашли ватиканских сундуков в Ярославле — и не будем их выдумывать: честный след денег ведёт к тем, кто покупал себе место при новой династии. А вот чьей будет сама династия — решалось не деньгами. Это решалось партией на доске, и её пора разобрать.

Гамбит короля.

Официальная история говорит: Сигизмунд III проиграл — ополчение выгнало поляков, Русь спаслась. Разложим партию по ходам и посмотрим, кто вышел из неё с прибылью.

Ход первый — жертва фигуры. Король, двадцать месяцев державший под Смоленском полную армию, «идёт спасать» свой кремлёвский гарнизон зимой 1612-го с отрядом в несколько тысяч. Доходит до Волоколамска, трижды отбит гарнизоном уездного городка — и поворачивает домой, даже не попытавшись подойти к Москве. Полк Струся в Кремле оставлен голодать до людоедства и капитуляции. Взявший Смоленск так не спасает — так списывают фигуру, отдавая её за темп. [Д]

Ход второй — тишина в решающий момент. Январь–февраль 1613-го: собор заседает, граница рядом, польско-литовские отряды гуляют по русским уездам — и ни одной попытки сорвать избрание. Машина, двадцать лет находившая армии для фальшивых Дмитриев, не нашла эскадрона против настоящих выборов. Бездействие силы, обязанной вмешаться, — само по себе показание. [Д]

Ход третий — предъявление векселя. 1618 год: королевич Владислав доходит до стен Москвы, один ночной штурм — отбит, и вместо войны немедленно подписывается Деулинское перемирие: Польше отходят Смоленск, Чернигов, Новгород-Северский, десятки городов. Теперь достань краковские бумаги 1604 года: именно смоленские и северские земли самозванец обещал Сигизмунду за поддержку. Вексель, выписанный фальшивым царём в 1604-м, оплачен «спасённой от поляков» династией в 1618-м — до города. Оба документа существуют. [Д] Платят по контракту только той руке, с которой контракт заключали.¹¹

Ход четвёртый — размен, вскрывающий всё. По Деулину в 1619-м Сигизмунд возвращает Филарета: семь лет «плена» — и прямо из него в патриархи, в титул «Великий Государь», в соправители собственного сына. А тем же обменом едет домой Василий Голицын — сильнейший кандидат-Рюрикович, просидевший в той же польской неволе весь собор, — и умирает по дороге, в Гродно. Одна неволя, две судьбы: отец новой династии возвращается править, живая альтернатива возвращается в гробу. [Д] по фактам, [Р] по прочтению.

Ход пятый — страховый полис. Владислав не отказывается от титула «царь Московский» до 1634 года — и отказывается тогда за двадцать тысяч рублей по Поляновскому миру. Если

¹¹ Обязательства Лжедмитрия I Сигизмунду III и роду Мнишечков (Краков — Самбор, 1604); Деулинское перемирие 1 (11) декабря 1618 г.

Сигизмундова партия «проиграна» в 1612-м, почему Москва двадцать один год спустя гасит его претензию деньгами? Потому что претензия была не пережитком — рычагом в длящейся сделке. [Д]

Итог партии. Отдано: гарнизон в Кремле и красивая картинка «изгнания супостата». Получено: своя династия в Москве, земли по векселю 1604 года, патриарх-соправитель из собственных рук и вечный рычаг титула. Сигизмунду не нужна была Москва с боем — бой ломает то, чем собираешься владеть. Гамбит: пожертвуй пешкой, забери партию.

Осталось показать, как разыграли последний ход — в зале собора.

Зал, в котором сидели Рюриковичи.

Февраль 1613-го. Москва освобождена, собор избирает царя. Вот момент подмены — разложим его по секундам.

Кто в зале? Живые Рюриковичи. Сам освободитель Москвы князь Пожарский — Рюрикович, стародубская ветвь, кровь Всеволода Большое Гнездо. Рядом — роды с семивековыми родословиями. Семь столетий единственным основанием власти на Руси была эта кровь — и вот она сидит в зале, живая, увенчанная только что военной славой.

Выбирают не её. Выбирают шестнадцатилетнего Михаила Романова — не Рюриковича ни в одном колене. Всё его «право» — внучатый племянник Анастасии, первой жены Ивана IV. Права по свойству, по жене, русская традиция не знала никогда: это право Захарьиных, сочинённое Захарьиными для Захарьиных. Замок третий: кровный принцип семи веков нарушен демонстративно, при живых носителях крови. Так не ошибаются — так назначают. [Д] по родословным, [Р] по мотиву.

Почему кровь молчала? У молчания четыре рычага, и каждый документирован.

Рычаг первый — свежий прецедент, выставленный напоказ. Василий Шуйский, Рюрикович, взявший корону в 1606-м, выдан своими же боярами полякам, провезён по Варшаве трофеем, показан сейму коленопреклонённым — и умер в неволе; прах вернут лишь в 1635-м. Каждый Рюрикович в зале держал эту картину перед глазами: корона Рюриковича теперь равняется варшавскому плену. Урок и делался публичным — в том его смысл. [Д]

Рычаг второй — тотальный компромат. Мстиславский, старший по знатности в зале, — глава Семибоярщины, впустившей поляков в Кремль: его имени нельзя произнести вслух. Трубецкой — тушинский боярин самозванца. Воротынский — та же Семибоярщина. Голицын, сильнейший кандидат, — в польской неволе, его кандидатуру нельзя даже внести. Смута замала каждый великий род — чистых кандидатов среди крови не осталось, и не случайно: их вычистила сама механика Смуты. [Д]

Рычаг третий — сила у дверей. «Повесть о Земском соборе 1613 года», рассказ современника, а не пересказ потомков: дворы окружают казаки и криком требуют Михаила; бояре тянут, предлагают иное — им не дают выйти. Чья это сила? Тушинская вольница — армия того самого второго самозванца, при котором Филарет был патриархом. Принуждение записано очевидцем, и приходит оно из-под руки Филарета. Замок четвёртый. [Д]¹²

Рычаг четвёртый — имущество. Казакам должны жалованье, вотчины подтверждает только новая власть; подпись под Утверждённой грамотой — цена сохранения родового. И заметь: подписи собирали ещё месяцы после избрания — «единодушие» оформлялось задним числом. [Д]¹³

И последний штрих, честно помеченный. Боярину Фёдору Шереметеву приписывают фразу из письма тех дней: «Миша Романов молод, разумом ещё не дошёл и нам будет поваден». Подлинника нет — ставим [ПК] и ничего на нём не строим. Но история подтвердила фразу

¹² Повесть о Земском соборе 1613 года / публ. А. Л. Станиславского, Б. Н. Морозова // Вопросы истории. 1985. № 5.

¹³ Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова / изд. Имп. Общества истории и древностей российских. М., 1906.

делом: шесть лет «поваденым» Мишей правили посадившие его, а в 1619-м вернулся отец — и Россия получила официальное двоевластие с патриархом из тушинского лагеря во главе.

Подмена совершилась не в 1613-м — она в 1613-м оформилась. Кровь заменили назначением, семь веков династического права — сделкой казаков, бояр и «пленённого» патриарха. Романовы взойдут рассказывать, что спасли страну от Смуты. Документы говорят: они были её штабом.

Цена подписи.

Остался один человек, без которого спектакль не имел бы права на аплодисменты. Единственный незамазанный. Рюрикович, освободитель, любимец земли — князь Дмитрий Пожарский. Его согласие стоило дороже всех казачьих криков, и оно было куплено. Разберём по пунктам.

Пункт первый: он в зале, он молчит, он подписывает Утверждённую грамоту. [Д]

Пункт второй — плата, и плата мгновенная. Боярство ему жалуют в самый день венчания Михаила, 11 июля 1613 года, и на самой церемонии князь несёт державу. Вдумайся в мизансцену: Рюрикович собственными руками подаёт символ власти не-Рюриковичу на глазах всей земли. Это не награда за Москву — это гонорар за спектакль легитимации, выплаченный чином в день премьеры. [Д]

Пункт третий: вотчины, воеводства, почётные службы до самой смерти в 1642-м. Лояльность оплачивалась пожизненно. [Д]

Пункт четвёртый: донос 1620-х — будто Пожарский «воцарялся, и стало ему в двадцать тысяч». Подлинность тёмная — [ПК], не строим. Но сам факт, что власть хранила эту бумагу, показывает: согласие князя не считали само собой разумеющимся. За ним следили.

Пункт пятый — контраст. Минин, собравший деньги и ударивший в решающий фланг, получает думное дворянство и умирает через три года. Князю — всё, гражданину — грамота. [Д]

И пункт шестой — бронза. На Красной площади стоит первый скульптурный памятник в истории Москвы, и посвящён он не Ивану, не Донскому, не Владимиру — Минину и Пожарскому. Присмотрись к композиции Мартоса: во весь рост стоит гражданин, указывая на Кремль, а князь-Рюрикович — сидит, принимая меч. Иконография согласия, отлитая в металле: народ вручает — кровь соглашается. Теперь дата: 1818 год. Только что сгорела Москва — и вместе с ней архивы; первым же монументом новой Москвы империя Александра I отливает миф «народ спас Романовых», напротив Кремля. Сгорели документы — поставили бронзу. [Д] по датам и композиции, [Р] по прочтению. Штрих напоследок: в 1931-м памятник передвинут от центра площади к собору — мешал парадом. Даже готовый миф двигают, когда он мешает следующему.

Рим в этот момент.

Закроем главу по нашему правилу — взглядом на престол Петра.

Смуту открывает Климент VIII, имя мягкой сделки: самозванец с собственноручным письмом, тайная месса в Кракове, уния в обещаниях — почерк Бреста. Двадцать семь дней Льва XI, имени вылазки, — и в Москве умирает единственный, кто мог остановить проект. Дальше — Павел V, имя разрыва, смена инструмента: войска вместо писем, гарнизон в Кремле, а когда прямой захват срывается о народное ополчение — гамбит: жертва гарнизона, тишина при соборе, вексель 1604 года, оплаченный Деулином, и Филарет, возвращённый из «плена» прямо в соправители. При Павле V, от первого войска до Деулинского перемирия, разрыв состоялся полностью: на московском троне впервые сидит не кровь, а назначение. Меч Рим потерял — замок получил.

А в 1818-м, когда согласие князя отольют в бронзу первым памятником сожжённой Москвы, на римском престоле будет стоять Пий VII — гарнизон, четырьмя годами раньше

воскресивший орден иезуитов. Миф чеканят при том же имени, что принимало итог 1812 года. Но это уже нити, ведущие в последние главы книги.

Следующему имени на нашем пути останется перестроить саму веру — и мы увидим, что резать русский обряд начнут точно при Иннокентии, имени чистки. Это Глава III.

ГЛАВА III. ЧИСТКА ВЕРЫ. КАК ПЕРЕПИСАЛИ НЕБО

После 1613 года у захватчиков трона оставалась проблема, которую не решить ни казаками, ни жалованными грамотами. Трон можно подменить за один собор. Но страна продолжала молиться так, как молилась при Рюриковичах, — креститься их перстами, ходить их посолонью, читать их книги и помнить свои роды до седьмого колена. Вера и память — два бастиона, которые нельзя купить. Их можно только переписать. Эта глава — о том, как их переписывали: сорок лет, по ведомству, с кадрами, присланными по назначению, — и как операция закончилась двумя кострами и одним гробом в один год, 1682-й.

Министерство.

Начнём с того, что построили заранее.

1622 год, девять лет после воцарения Михаила. В Риме Григорий XV учреждает Конгрегацию Пропанды веры — постоянное ведомство по обращению некаатолического мира, с бюджетом, типографией восточных шрифтов и семинарией кадров. Вдумайся в смену инструмента: сто лет Рим слал в Москву разовых сватов и легатов — теперь под Восток создано министерство, работающее без выходных и переживающее любого папу. Григорий — имя архитектора: где Григорий XIII строил коллегии, Григорий XV строит контору. [Д]

Запомни это ведомство. Его выпускников и подопечных мы сейчас начнём встречать в Москве — по одному, на ключевых постах.

Выпускник.

Москва, 26 января 1649 года. С иерусалимским патриархом Паисием в город въезжает учёный монах — Арсений Грек. Блестящий: Венеция, Рим, языки, риторика, медицина.

Москва ещё умеет проверять гостей. Арсения берут в разработку, и 25 июля 1649 года на допросе у князя Одоевского он даёт показание, которое стоит выписать на поля всей нашей серии: в Риме высшее учение открывали только под клятву принять римскую веру — «иначе того учения никому не открывают и учить не велят». Позже, уже в ссылке, он сознается и в большем: веру в Риме менял. Следствие 1649 года выносит вердикт: в Соловки, «для утверждения в вере». Латинствующий — изолирован. Система Рюриковичей ещё работает: она распознала выпускника. [Д] — следственное дело сохранилось.¹⁴

А теперь смотри, кто и как ломает этот карантин. 1652 год: новгородский митрополит Никон посещает Соловки, приходит в восторг от учёности ссыльного — и забирает его. Став патриархом, селит Арсения в собственной келье, отдаёт ему патриаршую библиотеку и назначает главным справщиком богослужебных книг. Прочти это медленно: человек, осуждённый русским следствием как перевёртыш римской выучки, посажен резать русские книги — со всей библиотекой тысячелетней веры в руках. [Д]

Кадровая нить, которую мы обещали ещё в первой главе, замкнулась: коллегии Григория XIII готовили кадры — конгрегация Григория XV ими распорядилась — Никон их расставил.

Освободившаяся кафедра.

¹⁴ Дело о ссылке старца Арсения Грека в Соловецкий монастырь (допрос 25 июля 1649 г.); Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I–II. Сергиев Посад, 1909–1912.

Прежде чем резать, Никону нужно было сесть. Применим здесь первый раз принцип, выведенный нами в «Инструкции для папы римского»: у всякой своевременной смерти спроси не «отчего умер», а «кто получил».

15 апреля 1652 года умирает патриарх Иосиф — старый, осторожный хранитель обряда, при котором никакая реформа не прошла бы. Через три месяца, в июле, на кафедре — Никон, с невиданным условием, которое он ставит собору и царю: слушаться его «во всём, яко начальника и пастыря». Слой первый, видимая выгода: Никон получает кафедру и сверхвласть. Слой второй, выгода инстанции: реформа получает таран, а карантин против латинства — своего разрушителя изнутри. Мы не знаем, от чего умер Иосиф, и честно ставим на смерти [ПК]. Но на вопрос «кто получил» ответ документален — и он не в пользу случайности расписания. [Д] по датам и условию Никона.

Разрез.

1653–1654 годы. Начинается то, что учебники зовут «исправлением книг», а мы назовём по функции — разрезом.

Меняют жест: двоеперстие, которым крестилась вся Русь Рюриковичей, — под запрет. Меняют ход: посолонь, по солнцу, — теперь против. Меняют само Имя: «Исус» — теперь «Иисус». Правка имени — никогда не мелочь: с убийства имени начиналась наша серия, и здесь тот же почерк — одна буква меняет адресата семивековой молитвы. Правят по новопечатным греческим книгам — а печатались они в типографиях Венеции, под латинской цензурой: «древность», по которой резали русскую старину, была свежей типографской продукцией католического города. И всё это — руками справщика, чью римскую клятву установило московское следствие.

Подними глаза к Риму: на престоле Иннокентий X. Иннокентий — имя чистки. Резать русский обряд начинают ровно при этой метке. [Д] по датам.

Несогласных — а несогласной оказалась половина страны — предают анафеме, ссылают, жгут в срубах. Титул Никона вырастает до «Великого Государя»: второй государь в стране, где первый — «поваденый». Кочующую по литературе «чеканку Никоном собственной монеты» мы проверили и вычеркнули — документа нет, а титула [Д] достаточно.

Гастролёры и списание исполнителя.

1666–1667 годы. Большой Московский собор должен утвердить разрез навсегда. Кто судьи? Восточные патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский — гастролёры, к моменту суда лишённые собственных кафедр у себя дома, живущие на московское жалованье. Люди без кафедр судят веру семи веков — и налагают анафемы на старый русский обряд, то есть на всё, чем спасалась Русь от крещения до Никона.

А сам Никон? Тот же собор его низлагает. Вчитайся в этот двойной приговор, мы уже видели этот почерк и увидим ещё: анафемы старине — оставить, исполнителя — списать. Таран, пробивший стену, больше не нужен; более того — опасен: слишком много знает и слишком много взял. Никона увозят в Ферапонтов монастырь тем же порядком, каким через полтора века «спишут» Наполеона на остров: работа принята, работник ликвидирован как фигура. [Д]¹⁵

Где в этот момент Рим? На престоле Александр VII — имя противостояния властелину, и он занят по назначению: мерится с Людовиком XIV и униженно проигрывает ему Пизанский договор. Папе не до Москвы — а московская операция не сбивается с шага: гастролёров нашли, провезли через полконтинента, содержали, приговор согласовали, исполнителя списали. Так не выглядит инерция — инерция не платит жалованья и не согласовывает приговоров. Так выглядит продолжающаяся работа: постоянное курирование и регулярная касса, которым безразлично, чем занят человек на престоле. Отметь это наблюдение — оно из важнейших в книге:

¹⁵ Деяния Большого Московского собора 1666–1667 гг.

операция идёт, когда папе некогда. Значит, ведёт её тот, кто не выбирается конклавом. Мы вернёмся к этому в финале. И чтобы не оставалось сомнений, чьи это кадры: хорват Юрий Крижанич, миссионер Конгрегации Пропagанды веры, пойман в Москве и сослан в Сибирь ещё в 1661-м. Поток шёл непрерывно; Арсений — тот, кто прошёл. [Д]

Два костра и один гроб.

Теперь финал операции — 1682 год, и мы разложим его по месяцам, потому что месяцы здесь кричат.

Январь 1682-го. Собор при молодом царе Фёдоре Алексеевиче отменяет местничество, и разрядные книги — росписи родов, службы, старшинства, вся генеалогическая память государства — торжественно преданы огню. Вспомни, с чего начиналась наша первая глава: Иван IV создал «Государев родословец», хранилище крови. Через сто тридцать лет наследники подменённого трона жгут хранилище. Кровь больше нельзя предъявить — предъявлять нечего. [Д]¹⁶

14 апреля 1682-го. В Пустозерске сожжён в срубе протопоп Аввакум — последний великий голос старой веры, пятнадцать лет писавший из земляной ямы так, что его листы расходились по всей стране. Книги родов сожгли в январе — голос веры сожгли в апреле. [Д]¹⁷

27 апреля 1682-го — через две недели после аввакумова костра — умирает царь Фёдор Алексеевич. Ему двадцать лет.

Применим наш принцип второй раз, по всей форме. От чего умер — не знает никто: «болезненность» — это не диагноз, вскрытий нет, на смерти стоит наш честный [ПК]. Спросим, кто получил. Слой первый, видимый: смерть бездетного Фёдора открывает свалку у трона — стрелецкую резню, Софью, и в итоге Петра, при котором вестернизация пойдёт уже галопом. Слой второй, выгода инстанции, — и вот он ледяной: Фёдор умер идеально вовремя. Не до января — книги сожжены его подписью. Не до апреля — Аввакум сожжён его царствованием. Ровно после: когда обе подписи поставлены и обе работы приняты, подписант перестаёт быть нужен — двадцатилетний, только что женившийся вторым браком, ждущий наследника, то есть вот-вот способный закрыть трон от нарышкинской линии. Исполнитель, заверивший уничтожение памяти и веры, умирает через четырнадцать дней после последнего костра. Мы не утверждаем убийства — мы предъявляем расписание. Расписание против случайности. [Д] по датам, [ПК] по причине смерти, [Р] по прочтению.

¹⁶ Соборное деяние об отмене местничества 12 января 1682 г. // ПСЗ РИ. Т. II. № 905.

¹⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное; о казни в Пустозерске 14 апреля 1682 г. — старообрядческие синодики и следственные материалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.